

Больше полувека минуло с той горькой и мрачной поры, а вот поди же, память жива. И не то чтобы отмечать эту печальную дату, нет, само собой. Но вспомнить - надо. Потому как это история. И хоть большая часть текста на этой странице истории уже будто прочитана, а белых пятен все еще остается много. Семьдесят пять лет минуло, а память жива...

Семьдесят пять лет назад на территории Центрального Казахстана был организован один из крупнейших лагерей ОГПУ-НКВД СССР - Карагандинский ИГЛ, в документах тех лет именуемый "совхоз ОГПУ-НКВД", в привычном же наименовании - Карлаг.

Сегодня в России уже широко опубликованы документы НКВД тех лет, изданы десятки справочников, тысячи воспоминаний тех, кому посчастливилось выйти живым из сталинской мясорубки. В том числе и из Карлага.

Всего через этот лагерь прошло около восьмисот тысяч человек. Огромная часть из них так и осталась навечно лежать в казахстанской земле, память их чтит страна, ежегодно 31 мая вспоминает всех поименно.

Но жертвами террористического молоха были не только взрослые. Ими оказались и дети. Причем до сих пор многие из них, уже состарившись, так и не поняли, не приняли глубины той пропасти, в которую вверх их водворот политических репрессий.

Об одной такой судьбе я и хочу рассказать.

Но прежде - о звонке в Омскую область, Люблинский район, совхоз "Большаковский", Яде (Асе) Подгородецкой.

Кто она - эта Ядя, которую столько лет безуспешно пыталась найти ее подруга по Компанейскому детскому дому Дина Шулькевич?

Ядя Подгородецкая родилась в Карлаге 27.01.1940 г. Ее мать - Бронислава Анастасьевна Подгородецкая, 1902 г. рождения, место рождения - Волынская обл., Луганский р-н - была осуждена по ст. 58-10 и отбывала наказание в Карлаге.

Девочку до определенного возраста, как и других детей, родившихся в лагере, содержали в лагерных яслях, потом в детском доме. По воспоминаниям бывших работников этого заведения, после 3-4 лет ребенка положено было переводить в детские дома за пределы Карлага. При этом зачастую судьбы детей терялись в архивах детских домов. По насписанным и безграмотным записям в книгах учета порой сложно определить, откуда и как попал ребенок в детский дом. В графе "Откуда прибыл" часто скупо обозначено: "Карлаг НКВД". И только.

После освобождения матери искали своих детей по детским домам страны. И не всегда находили. Ядя мама нашла. И прожила после срока с дочерью долгую жизнь. Однако о прошлом рассказывать не спешила.

Итак, по достижении определенного возраста Ядя, как и другие "дети Карлага", попала в Компанейский детский дом.

...На той стороне провода мне отвечает женский голос; у Подгородецкой (теперь она Ефименко - по мужу) нет телефона, но мы, мол, все передадим. Сегодня ночью звонили из Москвы, из передачи "Жди меня", уже сказали, что ее ищет подруга из детского дома Дина Шулькевич. Так что она в курсе. Я прошу записать номер телефона Шулькевич - она в Караганде, ей тоже звонили с телевидения, впопыхах она все напроць перезабыла и теперь боится снова потерять Ядю...

Через час они созвонились. Более чем через полвека.

В ГРАФЕ О МЕСТЕ РОЖДЕНИЯ ЗАПИСИ НЕТ. ...

Дину Шулькевич привезли в Индустриальная Караганда. - 2006. - 5 дек. - С. 10.

Компанейский детский дом 30 августа 1947 года из Долинки. По направлению Карлага НКВД. Так значится в документе, полученном ею из департамента народного образования:

"В материалах архивного фонда департамента образования Карагандинской области имеется Книга учета движения контингента воспитанников Компанейского детского дома за 1948-1953 годы. В архивной книге значится Шулькевич Дина:

в графе № - под № 781;
в графе "Год рождения" - 6.01.1940 г.;

в графе "Место рождения" - записи нет;

в графе "Национальность" - евр.;

ДОЛИНКА? СПАССК?

Потом - Долинка. Так думается, что Долинка. А может, Спасск. Запомнились какие-то поля. Большие деревья рядами - тополя? Кусты малины. Малину еще все собирали и ели. Да, и арбузы там были...

Всплывает в памяти двухэтажный дом, колючая проволока вокруг. Мамы нет, маму никто не показывает. Все время обещают показать, но мамы так и нет...

В доме почему-то все вместе - взрослые, дети. И опять только женщины... Где это?

По воспоминаниям Александры Бурачук, в те годы служившей в органах НКВД в Карлаге, в Спасске действительно был Дом

в графе "Кто имеется из родителей или близких родственников" - мать;

в графе "Адрес родителей или близких родственников" - с. Долинка;

в графе "Дата приема в детский дом" - 30.08.1947 г.;

в графе "Откуда поступил (город, село или учреждение)" - из с. Долинка;

в графе "На основании какого документа принят" - записи нет.

Основание: "Книга учета движения контингента воспитанников Компанейского детского дома за 1948-1953 годы. Фонд 3 469, опись № 2а, ед. хр. № 14".

КТО Я?

Что она, Дина Михайловна Шулькевич, знает, помнит о себе? И мало, и много...

Мало для того, чтобы ответить на вопрос: кто я? И много для того, чтобы рассказать о пережитом, о тех отрывочных, не складывающихся друг с другом кусочках прошлого, которое тревожит, будоражит, толкает и толкает - ищи, ищи, ищи...

В памяти смутно рисуется дорога. Долгая, бесконечная - леса, поезда, леса, поезда. Куда-то везут. Рядом как будто кто-то есть, еще один ребенок, девочка. Смутно всплывает имя - Нонна. Кто-то есть из взрослых - отчего-то только женщины. Может быть, это мама? Может, няня? Откуда-то всплывает еще одно имя - Нюра.

Еще вагон помнит - сплошные полки в один ряд, узенький проход. Небо видно с полки - оконца маленькие и будто узкие. И решетки. В вагоне почему-то очень тихо: эшелон стоял на разезде или в тупике? Заходили военные, выносили умерших. Потом провал...

Что было дальше? Что-то брезжит в памяти - будто госпиталь. Дети и взрослые лежат вместе. Называли слово - "лазарет". Слово запомнилось. Потому что было знакомым? Понятным?

младенца: "Я часто водила малюток на свидания. Это был обыкновенный садик. Кормили деток цельным молоком, а летом из сада привозили ягоды. Заведующей Домом младенца была Надежда Павловна, фамилию уже забыла, она тоже из заключенных".

Возможно, послевоенный этап из Европы (отсюда и странная запись в графе "Национальность" - евр.), состоявший из перемещенных (интернированных) лиц (Польша? Западная Украина? Западная Белоруссия?), с которым прибыла в Карлаг и мать Дины с дочкой, попал не в Долинку, а именно в Спасск. И первые воспоминания о лагере (Карлаге?) Дины Михайловны Шулькевич именно о Спасске, а не о Долинке.

Однако это лишь мои предположения...

Девочка долго вообще не говорит (по-русски?), молчит, словно не умеет, - все думают, что она отсталая, она и сегодня так про себя говорит: "Я была отсталая, ничего не понимала...", а она просто не понимает ни одного слова, что слышит вокруг. Русской речи не понимает. Оттого постоянно молчит. Молчит и часто падает - обморок, словно бездна...

Позже, в школе, такое с ней станет повторяться. Заговорит (по-русски?) она не сразу и отстанет от сверстников в учебе, долго вообще не будет учиться.

Утверждает, что отлично помнит: там, где жили дети, вокруг всюду была колючая проволока. Но теперь взрослых уже нет. Только дети. Помнит, как какой-то мужчина рисовал слоников и ножницами разрезал их пополам, а потом складывал - учил складывать слоги, буквы.

Училась плохо, потому что мало что понимала в школе. Плохо разговаривала. От страха, что накажут за это, заикалась. По ночам все снилось какое-то пламя. Что-то будто горело...

ДЕТИ НКВД

В детском доме воспитатели их называли не иначе, как детьми

врагов народа. Дети НКВД. Натравливали на них других детей. Более старших. Те их били. Били часто очень жестоко.

Взрослые постоянно упрекали, стыдили, унижали, называли оскорбительными именами, попрекали куском хлеба: "Ваши родители враги, а мы вас кормим"... А кормили-то впроголодь. Все время хотелось есть. Три раза в день вели в столовую. Там длинные, бесконечные очереди. Пока стояла, несколько раз падала, теряла сознание. Врач Родионов (фамилию запомнила!) поставил на дополнительное питание, но это помогало слабо. Дополнительное питание состояло из крохотного пирожка, стакана обраты или крохотной котлетки. Еще давали иногда маленький кусочек сливочного масла.

Детей умирало много. Приходил дядя Яша с саночками, собирал трупики, заворачивал в сено и увозил. Где их хоронили - не знает. Бывало, дети вешались на полотене - не выдерживали голода, побоев, унижений. Тогда воспи-

И ВСЕ ЖЕ ИЩУ РОДНЫХ...

Дина Михайловна рассматривает сохранившуюся у нее фотографию их детдомовского отряда:

- Вот Маша Димашкина, она живет сейчас в Темиртау. Муся Орлова - в Сортировке, в общежитии для работников железной дороги. Детдомовка, а квартиры так и не заработала... Сестры Сураевы - в бывшем совхозе Свердловка где-то. У нас большой отряд был, человек двадцать. Особенно я любила Ядю Подгородецкую, сколько лет ее ищу. Она в Карлаге родилась, ее тоже из Долинки привезли. Я все ищу своих, из детского дома. О Зине Проценко узнала в архиве... Еще у нас был Мыйярлы Петя. Света Кастаусова и Анды Яхъяев в Москве, они поженились. Эмма Шварцкопф в Сортировке живет. Особенно Ядю я все ищу, Ядю Подгородецкую.

После нашей встречи с Диной Михайловной в душе ее словно зажглась невидимая свечка - вновь вспыхнула надежда. И в

татели говорили: "Развели тут есенинщину!". Почему "есенинщину"? Потому что стихи Есенина все тайком читали, даже потихоньку пели. А это запрещалось.

Дни бежали, годы ползли. Дина росла.

Так дотянула до 1955 года.

"ДЕВОЧКА, НИКОГДА НЕ ИЩИ РОДИТЕЛЕЙ - ЭТО ТЕБЕ НЕ НУЖНО..."

Однажды она сама убежала из детского дома. Было это уже после смерти Сталина, наверное, в году так 54-ом. И добралась до Караганды. Потом ее за это сильно побили, но это было не впервой - пережила. А убежала она за тем, чтобы узнать, кто она и где ее мама. С этим вопросом решила она пойти прямо в НКВД (МГБ), ведь не зря же им все время в детском доме говорили, что они - "дети НКВД".

В памяти до сих пор длинный, покрытый зеленым стол и где-то далеко от нее человек за этим нескончаемым столом, то ли имя, то ли фамилия запомнилась - Ким. Он долго молча смотрел на нее и сказал: "Девочка, возвращайся в детский дом. И никогда не ищи своих родителей. Запомни: это тебе не нужно".

А в пятнадцать лет ушла она во взрослую жизнь из Компанейского детского дома - на сапого-валяльную фабрику сначала ученицей в пимокатный цех, потом к станку встала и проработала там лет десять, а может, и все пятнадцать, замуж вышла, детей нарожала.

Жизнь разная была, и радости были, и беды, и нужда, и достаток - всего перепало, "в полосочку", как у всех.

Но и в радости, и в горе, и в счастливые минуты, и в беду не давала ей покоя одна и та же мысль - да кто же я, кто мать-то моя, откуда я, как занесло меня в эти края и что со мной случилось там, в далеком далеке, от которого не могу освободиться и которое все стучится и стучится в мое неугомное сердце?

один из дней она позвонила мне: "Еду в Москву, уже билет купила. На передачу "Жди меня", к Кваше. Он мне поможет Ядю найти".

И поехала. И добралась-таки до "Жди меня". И в "Современник" к Кваше сходил. И с Машей Шукшиной поговорила. Судьба Дины Михайловны, до шестидесяти лет дожившей в неведении, кто же она, где родилась, кто родители, откуда попала в наши края, задела за живое моих коллег-журналистов в Москве. И они начали поиск.

А здесь, в Караганде, я тоже искала - искала следы Яди Подгородецкой. Человек, назвавшийся Воробьевым, тоже бывший воспитанник Компанейского детского дома, позвонил мне и сказал, будто Ядя уехала в Польшу. Скажу откровенно, в глубине души я надеялась, что если найдем Ядю, то, может быть, какая-то ниточка потянется и к Дине Михайловне от нее: вдруг мать Яди вспомнит другую женщину, привезенную из Европы после войны, вдруг она тоже окажется польской, вдруг...

Я попросила помощи у моих друзей - польских журналистов из Варшавы. Журналистка польского телевидения "Варшава.1 канал" Анна Петрачек, когда-то снимавшая здесь с моим участием телефильм о репрессированных поляках, вызвалась мне помочь. Пришла на помощь и сестра Анна из католического монастыря сестер-кармелиток в Караганде.

Кто знает, думали мы, может быть, нам всем вместе удастся прочитать еще одну страничку утерянного прошлого нашей общеской судьбы, без которой история эта будет неполной...

А Ядя Подгородецкая нашлась не в Польше, а в России. В Омской области. Нашлась, чтобы больше уже не теряться. Через час после моего звонка она позвонила Дине Шулькевич, и звеня когда-то разорванной временем цепочки соединились.

ЕКАТЕРИНА КУЗНЕЦОВА,
член Союза журналистов
Казахстана